

ВОЗВРАЩЕНИЕ СТРАХА

«ДРУЖКОВ»

В июле 1945 года Сталин выехал в Потсдам на мирную конференцию. 17 000 бойцов НКВД охраняли маршрут его поезда. На каждом километре пути стояли от 6 до 15 человек охраны. Путь стерегли 8 бронепоездов НКВД. Это была демонстрация могущества Богосталина. Священный поезд, вызывая ужас подданных, мчался по разрушенной стране.

На Потсдамской конференции уже не было двух участников «медового месяца». Рузвельт лежал в могиле, а Черчилль во время конференции улетел на выборы и не вернулся: в Англии победили лейбористы во главе с Эттли. И Хозяин высказался о том, как ничтожна западная демократия, если может поменять великого Черчилля на жалкого Эттли.

Итак, союзников представляли президент Трумэн и Эттли. Но если он сумел обыграть тех двух титанов, что ему эти двое?

В Потсдаме и после — весь 1945 год — они продолжали делить послевоенную Европу. Большое впечатление на союзников произвел его нарком иностранных дел Молотов. Именно тогда вокруг него возник загадочный ореол. Молотов завораживал удивительной молчаливостью, жесткой непреклонностью, коварными ходами, гипнотизировал неторопливостью и порой озадачивал отсутствием «нет» и «да» по самым простым вопросам.

Разгадку «великого дипломата Молотова» я нашел в Архиве президента.

Оказывается, весь 1945 год Молотов получал подробнейшие указания из Москвы от некоего Дружкова. Множество зашифрованных телеграмм отправил Молотову этот неутомимый Дружков.

Понять, кто скрывался за псевдонимом, труда не составляло. Кто мог приказывать Молотову, второму человеку в государстве? Конечно, Сталин.

Видимо, демонстрируя свое дружелюбие Молотову, Хозяин назвал себя ласковым именем Дружков.

В телеграммах Дружков диктует Молотову буквально каждый шаг во внешней политике (как прежде диктовал в политике внутренней). Никакого «советского Меттерниха»-Молотова не существовало, был все тот же передатчик желаний Хозяина, не смеющий самостоятельно принять ни единого решения. Отсюда и величественная неторопливость Молотова, и загадочная нерешительность в простейших вопросах.

В последние дни гитлеровской Германии, когда шла безумная гонка соперников-союзников — кто возьмет Берлин, — решалось и будущее Польши. Трумэн и Черчилль в своем общем послании попытались отстоять демократическую Польшу. Но Дружков велит Молотову быть непреклонным и сообщает, что ему говорить: «Объединенное послание президента и Черчилля по тону мяг-

ко, но по содержанию никакого прогресса. Если попытаются поставить вопрос об общих принципах польской программы, ты можешь ответить, что принципы эти изложены в послании Сталина. Без их принятия ты не видишь возможности добиться согласованного решения... Дружков».

Перед Потсдамом посол Гарриман информировал президента Трумэна: Сталин дорожит помощью союзников — ему надо восстанавливать разрушенную страну. Следовательно, в Потсдаме на него можно будет давить. И союзники приготовились быть непреклонными — отстоять Восточную Европу и, в частности, Польшу. Тем более что Трумэн прибыл в Потсдам накануне успешных испытаний американцами атомной бомбы.

Но как только Трумэн заговорил со Сталиным об уступках, он с изумлением услышал рывкающее, безапелляционное «нет». «Нет», — ибо его армии оккупировали Европу, он заплатил за это «нет» миллионами жизней своих солдат. «Нет», — как эхо, тотчас повторяет Молотов. Сталин не успокоился, пока не посадил править Польшей своего ставленника Берута.

9 августа СССР вступил в войну с Японией. Все было как рассчитывал Хозяин. Его войска буквально растерзали Квантунскую армию. Он не только забрал Курилы и Южный Сахалин, отомстив Японии за победу над царской Россией. Поражение Японии, захват Маньчжурии позволили ему открыто поддержать армию Мао Цзедуна в Китае. Советские специалисты и военная техника помогли Мао захватить Северный и Центральный Китай. Многомиллионная страна, величайший человеческий резерв готов присоединиться к Великой мечте.

Все заманчивее перспектива...

Ночи, которые потрясли мир

Торг по поводу будущего Европы продолжился на сессии Совета министров иностранных дел союзников.

Дружков наказывает Молотову: «12.9.45. ...Необходимо, чтоб ты держался крепко. Никаких уступок в отношении Румынии...»

И Молотов действует, постоянно консультируясь с Хозяином. Любой, даже самый ничтожный вопрос он не смеет решать без Дружкова:

«Молотов — Дружкову. Шифрограмма. 15.9.45. По приглашению Эттли сегодня вечером обедали в загородной резиденции премьера. Были Эттли и Бевин (британский министр иностранных дел. — Э.Р.) с женами. Обед и послеобеденная беседа прошли в сравнительно непринужденной атмосфере. Эттли и особенно Бевин предлагали расширить неофициальные встречи между русскими и англичанами. Он очень советовал послать в Лондон советских футболистов, а также оперно-балетную труппу. Было бы хорошо, если бы я мог дать им более определенные ответы по обоим этим вопросам».

Но без указаний Дружкова нарком не смеет дать «определенный ответ» даже насчет балетных танцоров. И приходится ему загадочно молчать.

Постоянно дирижирует Дружков: «В случае проявления непримиримости союзников в отношении Румынии, Болгарии и т. д. тебе следовало бы дать понять Бирнсу (Государственный секретарь США. — Э.Р.) и Бевину, что правительство СССР будет затруднено дать свое согласие на заключение мирного договора с Италией».

К концу заседаний Совета Дружков приказывает своему наркому пойти в решительную атаку: «Пусть лучше первый Совет министров провалится, чем делать существенные уступки Бирнсу. Думаю, что теперь можно сорвать покровы благополучия, видимость которого американцы хотели бы иметь».